14 марта 2020 года исполняется сто лет Томскому (артиллерийскому – ракетному – связи) военному училищу. Сорок лет назад мы, выпускники одного из взводов выпуска 1948 года, собрались в Томске…

Служба окончена? Служба продолжается!

– Товарищ подполковник! Группа офицеров, собравшихся в связи с тридцатилетием окончания Томского ордена Красной Звезды артиллерийского училища, для встречи построена. Подполковник Понькин.

...Два не очень молодых человека стояли напротив друг друга на предусмотренном уставом расстоянии, приложив руки к гражданским шляпам, перед строем таких же немолодых людей. Со стороны, наверное, всё это казалось странным – и сам строй, в котором смешались пальто и шинели, и неожиданно молодо и звонко прозвучавшие команды: «Равняйсь! Смирно! Равнение налево!», и то, как уже без всяких команд строй рассыпался и вместо дружного «Здравия желаем!» ответил на приветствие подполковника Елынцева неразберихой объятий.

– Да ты хоть узнаёшь, с кем обнимаешься?

– А вам ничего не сделалось... Витька! Юра!.. Какие были, такие и есть...

Аэропорт областного центра накануне 7 ноября был забит народом, вокруг нас сразу же образовалась толпа любопытных, но иронических улыбок не было, никто ничему не удивлялся, и лишь старушка в серой шали негромко спросила: «Это сколько же вы не виделись?» и, услышав в ответ «Тридцать», тяжело вздохнула.

Тридцать лет!.. Когда год назад наш помкомвзвода доцент ТПИ А. П. Кононов позвонил мне и предложил организовать встречу, я и обрадовался, и встревожился. Где их искать? Что с ними стало за годы, минувшие после государственных экзаменов? Все ли выдержали экзамены, предложенные нам жизнью?

Начиная военную службу, мы бойко подсчитывали, как, в соответствии с порядком её прохождения, в двадцать лет мы станем лейтенантами, в двадцать шесть – капитанами, в тридцать... У нас получалось, что к сорока мы будем полковниками, а там останется немало времени для достижения генеральских званий и высоких должностей. И как-то не хотелось думать, что в

службе кроме продвижения бывают и осложнения, что нам, никогда не воевавшим, война ещё напомнит о голодных и холодных днях слишком рано объявившимися болезнями, что борьба за мир есть не только выступления государственных деятелей на международных форумах, но и сокращение армейских штатов, что жизнь многих может сложиться вовсе не так, как мы планировали. И разве не мог переход из размеренного ритма армейской жизни в совершенно непривычную для нас жизнь гражданскую, оказаться для кого-то слишком трудным? И вдруг на встрече через тридцать лет о ком-нибудь будет стыдно говорить?

Не буду писать о наших поисках. Это была обыкновенная работа, чуть осложнявшаяся тем, что мы с Сашей не представляли никакой организации, не имели никаких официальных бланков, не могли пользоваться служебными каналами. Мы просто писали десятки писем в отделы и управления кадров, военные комиссариаты, а то и просто почти наугад... «Уважаемые товарищи! Тридцать лет назад по этому адресу в городе Новосибирске проживали родители военнослужащего Николая Комина...» А за тридцать лет не стало ни этого адреса, ни самого адресата, умершего от тяжёлой болезни... Почти отовсюду, быстро или не очень, с полным или кратким ответом, с полезной информацией или формальной отпиской, мы получали письма, против двадцати шести фамилий курсантов нашего взвода появлялись адреса, а вскоре стали приходить и их письма, письма наших мальчишек, у которых дети в тот год были старше, чем мы в 1948-м. Особенная удача – одним из первых мы отыскали работавшего в Генеральном штабе полковника, доктора военных наук Евгения Зенченко – у него связи были покрепче наших.

И все сомнения исчезли, стало ясно, что собраться надо, что встреча состоится, и мы сможем прямо смотреть в глаза друг другу – тому, о чём мечталось в начале пути, никто не изменил...

А начало у всех было одинаковым...

Незадолго до Великой Отечественной войны по инициативе Н. Н. Воронова [1], Б. М. Шапошникова [2] и других деятелей наркомата обороны, поддержанной И. В. Сталиным, в СССР были созданы учебные заведения особого типа. Что-то в них сохранилось от кадетских корпусов, что-то от обычных средних школ, в чём-то они послужили прообразом будущих суворовских и нахимовских училищ. Шутники, только что прочитавшие вышедший в 1934 году роман Алексея Толстого «Пётр I», где упоминаются Преображенский и Семёновский потешные полки юного государя, с любовью называли их «Потешными войсками Наркомпроса» – средние специальные артиллерийские, авиационные и военно-морские школы подчинялись не наркомату обороны, а наркомату просвещения. Сначала они были созданы в Москве и Ленинграде, затем ещё в нескольких городах. В таких школах учились родной сын Сталина Василий и его приёмный сын Артём Сергеев, будущий генерал-лейтенант артиллерии; приёмный сын Ворошилова Тимур Фрунзе, лётчик, будущий Герой Советского Союза; сыновья многих других руководителей СССР и РККА.

В годы войны Западная Сибирь вместе с сотнями эвакуированных заводов, вместе с десятками тысяч детей из временно оккупированных и при-

фронтовых районов приняла и несколько спецшкол, разместившихся в Тобольске, Прокопьевске, Мундыбаше...

В спецшколы принимали лучших выпускников семилеток, программа по общеобразовательным предметам не отличалась от программ средних школ, но дополнительно изучалось военное дело, включая (в артиллерийских школах) теорию стрельбы, тактику, топографию, материальную часть артиллерии, стрелковую подготовку и т. п. Конечно, всё это в небольшом объёме, позволявшем, тем не менее, не только представлять себе будущую специальность, но и твёрдо верить, что другой судьбы для нас быть не может. К этому добавлялись казарменное положение, форма, строй, летние лагеря, караулы, дежурства и все вытекающие отсюда последствия, главным из которых было то, что «спецы» – так мы себя называли – без экзаменов принимались в военные училища.

Задумываясь сейчас над судьбами тысяч подростков, с четырнадцати лет посвятивших себя служению народу в Вооружённых Силах, я не могу не вспомнить прекрасную организацию учебного процесса в спецшколах. Хотя в них и существовал отбор, но мы были самыми обыкновенными мальчишками, иногда – не очень дисциплинированными, иногда – в меру ленивыми, в военное время – всегда отчаянно голодными. Но нас с первых же дней приучили честно делать своё главное дело – учиться. И в основе всего хорошего, чего добивались спецшколы, было очень рано воспитываемое чувство ответственности за товарища, за коллектив, то чувство, без которого немыслима военная служба, без которого, наверное, невозможна вообще никакая служба. Дух творческого соревнования в учёбе, особенно – в изучении точных наук, внешняя подтянутость, какой-то, может быть, ещё мальчишеский, лоск, стремление всегда сделать так, чтобы именно наш взвод был лучшим – все это создавало особый деловито-боевой настрой у всех.

Как и в любом учебном заведении, успех дела определялся подбором командиров, воспитателей, педагогов. Не знаю, каков был юридический статус наших офицеров, были ли они прикомандированы от наркомата обороны к наркомату просвещения, или проходили службу, будучи уже в запасе, но это неважно. Уверен, что ни один из них не имел педагогического образования. Но их педагогическое кредо сводилось к исполнению одной аксиомы – с этими мальчишками надо много и добросовестно возиться. И они это делали. В строю, на самоподготовке, на военных занятиях они были для нас теми отцами-командирами – а собственных отцов у многих из нас уже не было, – на которых с суворовских времён держится наша армия.

Офицерскому составу не уступал коллектив штатских преподавателей. Не буду их расхваливать, но двенадцать золотых медалей, доставшихся нашему (пять взводов) выпуску в 1945 году (это был первый год, когда в школах СССР стали вновь, как в императорских гимназиях, вручать медали) сочинение одного из выпускников, написанное сразу по-русски и по-английски, сочинение другого, изложенное стихами – всё это характеризует работу нашей 8-й Ленинградской артиллерийской спецшколы.

Судьбы старых «спецов», тех, кто окончил школы до 1944 года и попал на фронт, – особая тема. Мы же получили аттестаты зрелости в конце июня

1945 года, и с первого июля пошли добровольцами в Советскую Армию, уже добившую европейский фашизм. Наш набор в военные училища был первым послевоенным, и мы, ещё не бреющиеся юнцы, не очень-то ловко чувствовали себя рядом с основным пополнением – уверенными в себе фронтовиками, увешанными орденами и медалями, недавно освободившими Варшаву и Прагу, штурмовавшими Вену, Кенигсберг и Берлин. Впрочем, быстро выяснилось, что мы необходимы друг другу. И любой из трёх курсантов, сидевших в училищной столовой за отдельным столиком с табличкой «Для Героев Советского Союза», мог запросто подойти к кому-нибудь из нас и спросить: «Слушай, шкет, ты можешь толком объяснить, что такое логарифм синуса?». А в ответ рассказать и показать, как надо установить орудие, окопаться и замаскироваться, чтобы в единоборстве пушка – танк худо было танку, а не пушке.

И тут нам снова повезло, хотя, конечно, никакое это не везение, просто так должно быть во всех учебных заведениях – в училище работали превосходные педагоги. Эти люди покоряли нас не только отличным знанием преподаваемых дисциплин и методическим мастерством, но и тем, что за этим стояло – боевым опытом, жизнью, отданной армии. Помню, какие чувства охватили меня, когда я увидел выгравированную на шашке нашего преподавателя военно-инженерной подготовки надпись: «Комэска Петрашу за храбрость. М. Фрунзе»! Помню, как в курсантской курилке говорили мы об участии начальника училища генерала В. Иванова в боях под Мадридом, помню, как счастливы мы были, получая лейтенантские погоны из рук полковника В. Цивчинского, чьё имя ещё на первом курсе прочитали в списке артиллеристов, удостоенных звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра... Подполковник Досекин, научивший нас по-настоящему работать над произведениями классиков марксизма-ленинизма... Полковник Спасский, у которого мы учились не только военной топографии, но и манере обращения с людьми, человек, служивший для нас образцом военного интеллигента... Подполковник Сиромахо, соединявший в себе удивительную душевность и доброту с высокой требовательностью...

Под стать старшим офицерам-преподавателям были и наши непосредственные воспитатели – командиры курсантских взводов, такие, как А. Л. Ляпер, наш Саша, как мы за глаза тогда его звали, и как вспоминали через тридцать лет, несмотря на его солидные звания – полковник-инженер, кандидат наук, старший научный сотрудник, преподаватель крупного вуза. Как же мы обрадовались, получив его письмо – уже пенсионера, но такого же оптимиста, каким он был, приняв командование юных сорванцов, считавших себя после спецшколы уже достаточно воспитанными и далеко не всегда относившими к себе требования Дисциплинарного Устава!

Чем он нас очаровал? Образцовой выправкой, подтянутостью, спортивным мастерством? Это было и у других... Прекрасным знанием математики? Он готовился к поступлению в военную Академию, и мы были поражены, когда, заменив заболевшего преподавателя, Александр Людвигович спокойно и уверенно растолковал деликатные вопросы из курса математического анализа, основы которого мы только начинали изучать... Кругозором?.. Знанием

«языка вероятного противника»?.. Конечно, всем этим, но, наверное, главным было понимание психологии молодёжи, умение подойти к любому из нас, помочь справиться с трудностями, которых в военной службе не так уж мало...

Осень 1948 года, выпуск, наши надежды... В начале 1949 года мы разъехались по частям и соединениям Советской Армии от Потсдама до Порт-Артура, и, как это часто бывает, сначала переписывались, потом стали лишь поздравлять друг друга с праздниками, а следом и вовсе потеряли из виду тех, с кем три, а то и шесть (со спецшколой) лет были рядом. И вот, тридцать лет спустя, они едут в Томск.

Ребят надо принять, и прежде всего как-то устроить. Конечно, можно было попросить помощи у городских и военных властей, но мы решили сначала просто поговорить с директором гостиницы «Томь», написав для солидности обстоятельное прошение. Не без волнения шли мы к директору – у нас уже имелся достаточно грустный опыт организации поселения гостей, командированных на конференции или что-либо похожее. А у ребят даже командировочных удостоверений не будет... Но...

Директор, дама весьма сурового вида, прочитала наше письмо, переспросила: «Тридцать лет?», помолчала минуту, вздохнула, и уже деловито осведомилась:

– Вам удобнее одноместные номера?

– Нет, что вы, нам удобнее один большой номер типа армейской казармы.

Директор не очень-то приняла юмор, вызвала администратора, и, видимо, продолжая неоконченный спор, категорически заявила:

– Вот эту просьбу действительно надо удовлетворить. А те товарищи могут и подождать. Да, да. Видите? Тридцать лет!

Самый сложный вопрос был решён за три минуты.

Составить программу пребывания гостей в Томске было несложно, тем более что командование и политотдел училища одобрили все наши планы, помогли с транспортом и с организацией экскурсий, и даже прикомандировали к нам на эти дни юного лейтенанта Зубраева, смотревшего на нас восторженными глазами и беспокоившегося чуть ли не о каждом нашем шаге. Единственный момент беспокоил нас – как провести первый день праздника? 7 ноября мы всегда были или в парадном строю, или в праздничных колоннах, где же будут наши гости в этот раз? В коллективах политехнического и педагогического института, где мы работали? Как-то не то... И мы пошли к секретарю горкома партии А. К. Черненко [3]. Он понял всё с полуслова: «Это же почётные гости нашего города! Давайте список... Многовато, конечно, но вы не беспокойтесь, будут вам пригласительные билеты».

...Сколько раз мы проходили мимо этой трибуны! А сегодня мимо нас идут десятки тысяч рабочих и служащих, студентов и школьников, сегодня мимо нас проходят стройные колонны таких же, как мы когда-то, курсантов... Чуть изменилась форма... Покрепче выглядят эти юноши – им, конечно, невдомёк, как это может не хватать хлеба и каков вкус у чая с сахарином. Конечно, одному из нас, бывшему старшине батареи, кажется, что в наше время выправка была лучше и шаг твёрже. Только так ли это, да и в шаге ли дело? И почему это

у кое-кого из нас заблестели слёзы? Стареем, наверное, не зря же за праздничным столом хоть и вспоминались молодые аппетиты, но из напитков наибольшим успехом всё же пользовалась минеральная вода. Правда, не у всех!

...Торжественное заседание в училище. Нас усадили в президиум. Курсантов поздравляют с праздником, вручают грамоты, подарки, и в ответ звучит такое привычное: «Служу Советскому Союзу!». Именно так, и именно в этом главное – служим Родине. А на каком посту, в каком звании и должности, разве в этом дело?

Служат в рядах Армии наши полковники Валя Вострецов и Женя Зенченко, учит в детей в удмуртском селе ветеран войны в Корее Толя Бобков, работают на заводах инженеры Валя Смирнов, чудом вставший на ноги и окончивший политехнический институт после тяжёлого ранения в Венгрии, и Аркаша Нечаев, советник военного министра одной из африканских республик, занимается прикладным искусством наш взводный художник Юра Смирнов. Совсем недавно, отслужив в Армии по тридцать с лишним лет, ушли в запас многие наши ребята, но ни один из них не хочет покоя, все, без единого исключения, работают, все ещё чувствуют себя в нашем едином строю. И каждый, как и в начале своего пути, может с гордостью сказать, кому он служит.

«Ты просишь написать подробно о себе, – ещё до встречи писал, отвечая на моё письмо, Валя Двизов, инженер из Новокузнецка. – А ты не задумывался о том, что если подробно, то о каждом из нас придётся написать целый роман?» Конечно, роман. И добавлю – с положительными, пусть и не всегда безупречными героями. И в романе этом будет немало ярких страниц и об исполнении нашими ребятами присяги и интернационального долга, и о нелёгкой службе в глухих гарнизонах, и о настоящей дружбе и верности, и об офицерских жёнах, вместе с нами мужественно переносивших тяготы армейской жизни. И будут там страницы о том, что наша страна уже давно ни с кем не воюет, о том, что наши Вооружённые Силы надёжно гарантируют мир на Земле, о том, что в этих гарантиях есть – пусть и не очень большая – капля воинского труда солдат нашего поколения.

Разъехались мои братья, стало как-то пусто дома, реже звонит телефон. Приходят письма. Зовут к себе – в Прибалтику, в Белоруссию, на Украину, в Москву, на Волгу, на Урал, в Закавказье, в Омск, Кемерово и Новосибирск. Пишут уже не столько о себе, сколько о достижениях внуков. И с особой гордостью ещё и ещё раз рассказывают о службе своих сыновей в нашей Армии... Лётчик-перехватчик Елынцев... Танкист капитан Смирнов... Ещё один лётчик, старший лейтенант Нечаев... Ещё один Елынцев, морской офицер... Артиллерист Романов... И ещё, и ещё...

Жизнь продолжается!

Postscriptum. С печалью перечитываю написанное сорок лет назад.

Да, училище расформировано. Так ведь и СССР расформирован. И Коммунистическая партия уже не направляющая и руководящая сила. Пышно отпраздновано столетие ВЛКСМ, но сам Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи распущен. И моих однокурсников почти не осталось...

Ну и что? Осталась Россия, осталась наша великая история, осталась наша культура, язык, литература, музыка. Сохранился наш оптимизм – Родина наша не раз выходила из страшных катаклизмов. Очень хочется верить, что наши правнуки создадут будущее, достойное прекрасных страниц, написанных нашими предками!

---

1. Николай Николаевич Воронов, 1899–1968, Главный маршал артиллерии, Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР. Участник гражданских войн в России и Испании, советско-польской и Великой Отечественной войн, участвовал в событиях у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, в Польском походе РККА. В период Великой Отечественной войны возглавлял артиллерию РККА. Один из авторов и исполнителей плана разгрома германской армии под Сталинградом.

2. Борис Михайлович Шапошников, 1882–1945, Маршал Советского Союза, в Армии с 1901 года, участник 1-й мировой и Гражданской войн, начальник Генерального штаба РККА, член Ставки Верховного Главнокомандования, военный теоретик, автор книги «Мозг армии». С конца 1930-х годов – советник И. В. Сталина по военным вопросам. Один из немногих, к кому Сталин обращался по имени и отчеству, а не «товарищ Шапошников», как к абсолютному большинству руководителей страны и армии.

3. Альберт Константинович Черненко, 1935–2009, правовед и философ, специалист в области философии истории, философии права, теории государства и права и социальной философии, доктор психологических наук, доктор юридических наук, профессор, ректор Новосибирской высшей партийной школы. В 1974–83 гг. – секретарь Томского горкома КПСС. Сын генерального секретаря КПСС К. У. Черненко.